

Танец копия подобен парящему дракону!

Остатки звука флейты еще долго отдавались эхом в воздухе, пальцы Настройщика застыли на лабиусе трубки, губы оторвались от мундштука, и девушка, словно изваянная из камня, устремила взгляд на собственные носки.

Нидхегг медленно опустилась с воздуха, ее серебристые волосы рассыпались морской волной по лицу Фэн Цихэна. Остаточное пламя Копья Осуждения было стерто, после чего чернеющий свет окутал ее, а черное пламя на наконечнике копья затихло и вновь распустилось, подобно цветку.

Пронизывающий черный свет пронесся по каждому дюйму чешуи Нидхегг и наконец молнией метнулся с наконечника.

Бурление черного пламени возвестило о том, что время вновь потекло. Фэн Цихэн украдкой отбросил прильнувшие к лицу серебристые пряди и, хлопая глазами, огляделся по сторонам.

В его глазах не отразилось то, что только что произошло — он лишь знал, что ослепительное белое сияние, полное отчаяния и жестокости, надвигалось на него подобно падающему солнцу. Но когда теплая тьма пронеслась по его телу, эта белизна тихо растаяла, а терзания и стоны, вившиеся в голове, исчезли без следа, словно их кто-то пожрал.

— Что... что произошло?

Безмятежные звуки флейты затихли, а похожие на яд воспоминания вновь зародились и сгнули в бесконечной тьме Нидхегг. Когда ложные иллюзии погибают, на смену им приходит суровая реальность реинкарнации.

Звук лопающегося родникового источника внезапно ударил по барабанным перепонкам Фэн Цихэна, заставив его вздрогнуть от неожиданности. Затем, вслед за этим щелчком, похожим на включение тумблера, со стороны Пандоры, насколько хватало глаз, один за другим раздался грохот — словно удары барабанов и вспышки самой смерти.

Гладкий срез образовался на одном из стволов, а аккуратные сколы позволили взгляду под определенным углом пробиться сквозь плоскости этих стволов или корпусов машин, образуя изящный круг, в центре которого стояла только что опустившаяся на землю Нидхегг.

Нидхегг слегка запрокинула голову, ее алые вертикальные зрачки резко сузились.

Разорванные энергетические пушки вновь соединились, и ослепительное сияние яростно вырвалось из подброшенных вверх накопительных трубок, обрушившись как на стоявших поодаль Пандор, так и на гигантскую оранжевую крышку.

— Что... что это за чертовщина!

Фэн Цихэн судорожно вцепился в длинные волосы Нидхегг и, дрожа, оглядывал пляшущие по всему небу карманные фонарики.

Хотя еще мгновение назад он непринужденно рассуждал о смысле жизни и высоких идеалах с младшими сестричками в мини-юбках, как вдруг вражеский монарх принудил его к восхождению на трон, приставив меч к горлу его закадычного друга детства; при этом, с благословения папы римского, он заполучил свою первую портативную игровую консоль, с которой и пустился в межзвездное путешествие на поиски энергетической руды. Пережив пространственный прыжок, он угодил на неизвестный курс, но кто же знал, что его занесет прямо в логово зергов, и ради будущего человечества ему придется сражаться с этой напастью...

Не пропустите следующий эпизод: Соблазн принцессы зергов!

— Что за бред собачий! — вопил в душе Фэн Цихэн.

Затем, посреди царившего хаоса, до него дошло: это наверняка козни королевы зергов... Нет! Это определенно влияние Нибельунге. Воспоминания, выходящие за рамки времени, пространства, измерений и познания, вцепились в него мертвой хваткой, подобно морским желудям, и теперь эта картина летящих во все стороны машинных деталей была суровой реальностью.

Он посмотрел на стоявшую Нидхегг, и на мгновение у него возникло чувство чужеродности, но оно тут же рассеялось. Он заметил изменения в облике Нидхегг: черный свет, исходящий всем ее телом, возвысил ее ауру.

Хрусь...

Снесенные Пандоры наконец рухнули с неба, погасшие исполнительные модули уныло завалились на бок, а у некоторых отнесло нижние опоры, и они, ползая по земле, бессильно цеплялись за белые кости, подтягиваясь к находившейся в центре Нидхегг. И чаще всего такие Пандоры оказывались разъедены капающим вязким пламенем.

Энергетический сгусток рассеялся; эти дула орудий с самыми разными траекториями наступления под порывами бурного ветра разорвали купол небес, пробив бреши в оранжевой световой завесе, похожей на сетку. Блуждающий ледяной туман Нибельунге лениво хлынул через эти дыры, постепенно заволакивая небосвод.

Фэн Цихэн замер, глядя на Нидхегг. Ситуация была донельзя невероятной: еще недавно она могла лишь пассивно защищаться, а теперь способна в одиночку ворваться в стан врага и укладывать противников ударом копья за раз. Если она не объелась каких-нибудь чудо-таблеток геркулесовой силы, Фэн Цихэн ни за что бы в это не поверил!

□Цилин: Нидхегг□

□Принадлежность: Иггдрасиль□

□Оракул: Истинное Слово Бога Хэна□

□Класс: Эфир□

□Духовная синхронизация: 0%□

□Божественность: □□□□

□Артефакт: Копье Осуждения□

□Диспозиция: □□□□

.....

Полная информация предстала перед глазами Фэн Цихэна, но вглядываться дальше не имело смысла: три явных вопросительных знака мучили его, словно сложная задача по математике.

— Сопровождающий Богов.

Фэн Цихэн закрыл глаза, ощущая мягкость серебристых волос, а в голове непрерывно крутились картины увиденного. Будучи Сопровождающим Богов, он обладал столь поверхностным представлением о концепции Божественного Царства, а проявление Цилин казалось ему туманным, словно сквозь пелену. Это мудреное название резало нежную плоть, точно тупой нож. Что значат Оракул? Что за ранг такой — Эфир? Да и прочие термины, вплетенные в конец списка и обозначенные вопросительными знаками, постепенно разрушали его впечатления о Божественном Царстве.

Что есть Божественное Царство? Что есть Цилин? Удастся ли в этом пустом месте хоть краем глаза взглянуть на бессмертную истину?

Все ответы были расплывчатыми, все увиденное — призрачным.

Подобные сумбурные мысли застряли в голове Фэн Цихэна, не желая рассеиваться, просачиваясь в его кровь и проникая в плоть...

— Сопровождающий Богов!

Голос Нидхегг вывел его из оцепенения. На мгновение накатил волна удушья и тут же отступила. Преодолевая крайнюю слабость, он с трудом приподнялся и с дрожью в глазах посмотрел на приближающуюся Нидхегг.

Алые вертикальные зрачки уставились на него так, словно его пригвоздил взглядом гигантский дракон.

Информация, пропитанная временем, передавалась через этот зрительный контакт, и тело Фэн Цихэна под взглядом Нидхегг постепенно расслабилось. Как бы то ни было, сейчас ведь все складывается в нашу пользу, верно?

— Сопровождающий Богов. Я бы тоже не отказалась выпить чашечку кофе.

М?

Что это значит?

Фэн Цихэн еще раздумывал над тем, не является ли эта фраза Нидхегг неким шифром наподобие «Тор, Тор, Тор», как собеседница уже повернулась и зашагала прочь.

— Нидхегг, — инстинктивно окликнул ее Фэн Цихэн.

— Ты выглядишь... хм, как-то странно, — совладав с собой, серьезно произнес он.

— Странно... Разве это не ужасно? — тихо ответила Нидхегг, услышав отрицательный ответ Фэн Цихэна. — Это и есть та правда, от которой я всегда бежала. Ее нужно скрывать, прямо как Нибельунге.

— Нибельунге... — пробормотал Фэн Цихэн.

— Сопровождающий Богов... Каким ты видишь меня сейчас? — голос Нидхегг постепенно стал хриплым.

Фэн Цихэн молчал. Его взгляд был прикован к стоявшему перед ним силуэту: сквозь зыбкую пелену проступал переплетающийся образ девушки и дракона, а сместившиеся алые вертикальные зрачки казались развернутой бездной.

— ...Духовная синхронизация... 0%, — опустив голову, тихо промолвил он.

— Все еще... ноль. Впрочем, это уже неважно. Я высвободила всю свою божественную силу, и я помогу тебе прорубить кровавый путь.

Драконьи глаза обратились к Настройщику. За спиной Нидхегг расправил крылья исполинский иллюзорный силуэт, и густые темно-зеленые капли, падая на землю, прочертили две разъеденные кислотой дорожки. Копье Осуждения взметнулось перед ней, а неиссякаемое черное пламя разлилось по округе бушующим пожаром.

Дракон, несущий гибель, последняя песня конца света, вечное отчаяние, одинокий Пожиратель Богов... Имя ему —

— Нидхегг!

Владычица апокалипсиса, воспетая в сумерках богов — вечно существующий, неуничтожимый бог-дракон!

Ужас безмолвно сгустился в воздухе, чтобы в следующее мгновение взорваться.

Иллюзия бога-дракона раскинула крылья до предела, коснувшись обоих краев оранжевой световой завесы. Ядовитое черное пламя взметнулось вдоль ее контуров, и все, к чему оно прикасалось на своем пути, превращалось в выжженную пустыню. Черное пламя воплотилось в воздухе в драконью голову, и ее темно-зеленые зрачки впились в Настройщика; под мертвенной гладью таился невыразимый трепет.

Ледяной туман Нибельунге опустился на землю. Если бы кто-то посмотрел на это со стороны, все взгляды были бы прикованы к потрясающему небеса и землю фантому. Но внизу крошечная, неотличимая по чертам лица женщина приковала к себе взгляд Фэн Цихэна.

Нидхегг легко приподняла один палец — изящный, красивый, с отчетливо выступающими суставами, но давление, исходившее от него, ничуть не уступало встрече лицом к лицу с извергающимся вулканом.

Поднятый палец легко коснулся древка копья, и от ее ног по ряби спокойного озера разбежались круги. Кольцо за кольцом, сотканное из огня круги расширялись наружу, заставляя груды костей дюйм за дюймом сдвигаться к периферии.

Ледяной туман окутал фантом легкой вуалью, и все цвета в этот момент поблекли, словно в этом пространстве было отобрано само право на жизнь.

— Я стану... вашим отчаянием!

Голос Нидхегг разносился над Нибельунге; мерцающее пламя то рождалось, то угасало в ледяной дымке по строгому закону, словно находясь в бесконечной веренице перерождений.

Черное пламя угасло по самому внешнему кругу, взметнувшись назад подобно морской волне, разбившейся о волнорез. Но в следующее мгновение, на последнем слогe Нидхегг, бурно

взорвавшееся черное пламя прорвало пелену ледяного тумана и в один миг охватило весь этот короб.

Домен полностью раскрыт!

Жизнь и смерть в ее власти!

Вложенные Нидхегг силы и исторгнутая до последней капли божественная сила толкнули этот домен черного пламени к вершинам божественной власти. Ледяной туман Нибельунге стал идеальным помощником, компенсировавшим слепые зоны обзора: заполнив внутреннее пространство короба, туман вывел координаты каждой Пандоры прямо в поле ее зрения, и панорамный трехмерный эффект не позволил Нидхегг упустить ни единого угла.

Приказ о смерти был отдан, и все выжившие оказались под крыльями Нидхегг.

Черное пламя вспыхнуло и исчезло всего за несколько ударов сердца — столько насчитал сам Фэн Цихэн, впервые в жизни столь пристально следивший за частотой собственного дыхания. Он часто слышал, что в моменты страха и подъема люди обращают внимание на дыхание, которое обычно настолько естественно, что остается незамеченным. Теперь же дыхание превратилось в отсчет времени до смерти — способ запечатлеть историю, которую невозможно забыть: то ли ты блуждаешь у врат ада, то ли нерешительно шагаешь в главные врата человеческого мира.

Ослепительный черный свет бурлил в самом сердце бури. Запоздавший порыв ветра рассек ледяной туман и разрубил Пандор. Фэн Цихэн даже подумал, что гудящий в ушах свист рассекаемого воздуха способен искрошить саму ткань пространства. Этот подобный апокалипсису черный свет слился в единый круг, зависший в воздухе позади фантома. Тонкие, словно древесные ветви, лучи света тянулись от внешней границы круга, после чего сплелись в сеть, и позади фантома, точно расколотое зеркало, кусок за куском осыпалась реальность.

Наконец... время тянулось долго, а может, прошла лишь доля секунды. Черный свет обрушился внутрь, медленно сжавшись до полного исчезновения.

Фэн Цихэн почувствовал, что рука, служившая ему опорой, стала ледяной. Лишь тогда он заметил, как журчащие ручейки текут сверху по желобам, сложенным из трупов и механических рук. То были воды источника Нифльхейма — источники смерти, рожденные от слияния бесконечной тьмы и пронзительного холода. Волшебный источник, питавший жизненной силой Нидхегг внутри Нибельунге.

Но почему воды источника Нифльхейма потекли сюда?

Нидхегг вонзила пылающее Копье Осуждения в землю, и та часть черного копья, что ушла под землю, забилась в неистовстве; на глазах у Фэн Цихэна начало распускаться нестабильное пространство.

Удар невероятной мощи!

Спрятанные за туманом Пандоры были разрублены пополам, а гладкие срезы выглядели так, будто их отполировали водой. Судя по разрывам в ледяной туманной пелене, все Пандоры, находившиеся в пределах сверхбольшого радиуса действия домена, были выведены из строя. Невидимая для глаз атака отдала приказ материи внутри домена черного пламени, и все они пали под ударом Копья Осуждения.

А вот кому досталось от побочного эффекта, так это разлившимся водам источника Нифльхейма.

Широкий взмах черного копья оставил после себя густые шрамы. Невыразимо сложное чувство шевельнулось в душе Фэн Цихэна: он смотрел на иссякающий источник Нифльхейма и обнаженные корни с застрявшими в них трупами, которые открылись после того, как туман рассеялся словно порванная бумажная ширма. Трепет в глубине души заставил его ощутить мертвенную бледность бытия.

Разделившийся на потоки источник Нифльхейма был леденяще-холодным, что придавало особую нотку горечи свирепому черному пламени в воздухе. Силуэт Нидхегг постепенно прояснялся. В глазах Фэн Цихэна этот исполинский, раскинувший крылья дракон медленно складывал свое тело, и под содроганиями трепещущих крыльев догорали остатки пламени — то было ее копье. Разрез в ледяном тумане, расчленение Пандор и сокрушение корней — все это было совершено тенью дракона, а Копье Осуждения оказалось лишь материализацией драконьих крыльев.

— Ты... посмотри, каких дел ты натворил.

Из-за клочьев ледяного тумана донесся не жесткий и заторможенный механический голос Номо-класс Пандор, а куда более робкий и неторопливый девичий голос, звучавший гораздо более человечно.

Фэн Цихэн опешил, но тут же сообразил, что этот голос должен принадлежать устроившейся со всеми удобствами за кулисами Настройщице.

— По, потеряно столько... Но, Номо-класс. Мне влетит за это.

Лишившись Пандор Номо-класса для передачи голоса, Настройщица была вынуждена выражать недовольство собственным тембром, однако из-за ее социофобии это проявление гнева больше напоминало капризы ребенка, которого поймали за поеданием мороженого.

— Недобитки Божественного Царства! Теперь вы сгинете здесь!

Настройщица говорила сама с собой, совершенно не заботясь о том, слышат ли ее противники

и способны ли ответить на ее гнев. Фэн Цихэн не видел ее лица: клубящийся ледяной туман вновь затянул прорехи, пробитые Нидхегг, заставив его лишь вообразить, что девочка с таким голосом наверняка должна быть очень миловидной... хоть в разговорах она и твердила сплошное: «Убить, убить, убить».

Нидхегг по-прежнему не шевелилась. Взметнувшийся за ее спиной драконий силуэт рассыпался на песчинки и растаял в ледяной дымке — столь же загадочно, сколь и появился. У Фэн Цихэна на сердце скребли кошки предчувствия беды, ибо не только палящее пламя исчезло с ее тела, но и ее черно-красные рога слегка потускнели. Копье Осуждения одиноко торчало в земле, поддерживая вес тела Нидхегг. Если смотреть со спины, ее длинные серебристые волосы свесились на один бок, а беззащитное тело казалось таким хрупким.

Разве такое хрупкое тело могло поднять только что созданную тень дракона? Неужели это громадное, заслоняющее небо и солнце создание таилось внутри этой хрупкой девушки? В носу у Фэн Цихэна защипало. Он больше не размышлял об этом, чувствуя, что именно такой и должна быть суровая реальность: сколь бы пугающей она ни казалась, истинное появление легендарного дракона из мира фантазий захватывает дух сильнее всего.

И в то же время — полностью переворачивает привычные представления о мире.

— Я не оставляю вам времени на прощальные слова. Умрите же.

Нежный голосок вскоре сменился тяжелым топотом. Ледяной туман отхлынул, и перед глазами Фэн Цихэна, подобно носу корабля, рассекающего волны, предстал черный составной меч. Задрав голову, он увидел сидевшую нога на ногу Настройщицу, которая бесстрастно смотрела на них сверху вниз.

Черное пламя скользнуло по чешуе, но вновь кануло в небытие. Нидхегг уже приближалась к пределу физических возможностей: с исчезновением драконьего силуэта божественная сила испарилась, и черное копье, некогда несившее смерть, на сей раз не смогло забрать жизнь Настройщика и даже не разрушило стоящего под ней стального гиганта.

Налетевший шквалистый ветер заставил Нидхегг закачаться, и ее почти падающее тело, словно свеча на ветру, с трудом удерживало вертикальное положение при помощи черного копья.

— Бы... быстрее уходи! — голос Фэн Цихэна дрожал, а под конец сорвался на хрип.

Отраженный в его глазах длинный меч лег плашмя и с тяжестью мощного пресса обрушился вниз. А тело Нидхегг по-прежнему неколебимо стояло перед Фэн Цихэном, заслоняя его самым теплым мраком от беспорядочной и бледной слепящей белизны. Она — вечный бог-дракон, спящий вечным сном в сумерках и пожирающий человеческие грехи.

Тяжелый удар обрушился на землю, взметнув тучи пыли. Фэн Цихэн остолбенело глядел на

происходящее, ощущая близким расстоянием всю мощь этого несокрушимого удара. Оказавшись совершенно беспомощными перед лицом Настройщика и стального гиганта, они были подобны двум агнцам на заклание, и поднимающееся из глубин души чувство бессилия толкало их шаг за шагом в бездну смерти.

— Твой клинок... притупился.

Фэн Цихэн проигнорировал боль от удара фаланг пальцев о собственное лицо, приковав взгляд к не рассеивающейся туманной пыли.

Она все еще жива, она жива! В голове Фэн Цихэна билась лишь эта мысль. Схватив пригоршню песка, он принялся удар за ударом колотить по сведенным судорогой бедрам, лицо его побагровело — в конце концов, это был его последний и единственный шанс выжить.

— Кань вместе со своим Божественным Царством в небытие! — в воздухе раздался хлопковый звук, похожий на то, как будто кларнет прислонили к железному гиганту.

Гигантская тень медленно приподнялась. На утолщенном черном составном мече одна за другой осыпались металлические пластины, каждая из которых издавала глухой звук, стона подобно пробуждающемуся от сна великану.

— Убей ее, Игми, — отдала последний приказ Настройщица.

Сбоку от нее — в районе груди стального гиганта — открылся потайной отсек. Не желая больше смотреть на развязку, Настройщица шагнула внутрь вместе со своим кларнетом и с раздражением хлопнула им о корпус гиганта.

Если бы не увиденное собственными глазами, трудно было бы поверить в существование мехов в этом мире. Эта машина существовала лишь в фантазиях и технологиях будущего: платформа, служившая Настройщице для игры, убралась внутрь, ее место заняли стволы орудий на несколько размеров больше, внешние стороны ног раскрылись наподобие чехлов, и наружу выдвинулись половины двух прямых клинков. Раскаленная волна воздуха разогнала ледяной туман вокруг Игми, а багровое сияние выглядело так, будто его искупали в лаве. Крышка на спине откинулась, выставив четыре сравнительно тонких L-образных кронштейна, из которых языками пламени вырвалось обжигающее синеватое пламя, образуя за ее спиной завесу.

Фэн Цихэн уперся рукой в какой-то череп — сейчас было уже все равно, череп это, берцовая кость или что-то еще. Закручивающиеся потоки воздуха вились вокруг Игми, а жаркая волна шаг за шагом пожирала стелющийся ледяной туман. Его дыхание участилось, содержание кислорода в воздухе стремительно падало, но за своими ногами он все еще ощущал холодящий душу мороз Нибельунге. Это переплетение жара и холода по ощущениям ничем не уступало боли перед лицом смерти.

Пылающий Игми протащил свое тяжелое тело вперед на шаг, породив при этом упавшие ранее

металлические пластины: словно пробудившись, они излучали мягкое светлое сияние, а затем причудливым образом зависли в воздухе. Каждая из них имела ромбовидную форму с кубическим энергетическим ядром в центре, от которого энергия крест-накрест расходилась к четырем углам.

Один из ромбовидных блоков завис перед Нидхегг, после чего это мягкое сияние стало постепенно раскаляться, чиркнув по ее телу в алом зареве.

Чешуя раскололась на кусочки размером с ногти и осыпалась к ее ногам, беззвучно превращаясь в питательную среду для Нибельунге.

Это словно послужило прелюдией к атаке: центры ромбовидных тел представляли собой вогнутые гладкие плоскости, а аккумулированные ими для выстрела световые стрелы обладали колоссальной тепловой мощностью. Под непрерывными атаками ромбовидных блоков чешуя была вынуждена снять защиту, обнажая хрупкое тело.

Слой за слоем, чешуйка за чешуйкой. Жаркая волна жгла так, что у Фэн Цихэна заболели внутренние органы, а глаза заволокло морем огня — то было не черное пламя Нидхегг, а самое неистовое багровое пламечко.

Последним, что запечатлелось в его поле зрения, остался не желавший отступить ни на шаг силуэт Нидхегг. Даже когда все ее тело лишилось драконьей чешуи, а иссушающие раны покрыли ее целиком, раскинувшиеся за спиной серебристые волосы по-прежнему приковывали взгляд Фэн Цихэна — вплоть до наступления темноты...

На двух прямых клинках Игми закрутились вихри горячего воздуха, а ромбовидные блоки медленно отступили назад, оставляя пространство для рубящего удара.

Два пронзивших пламя глаза уставились на уже потерявшую человеческий облик Нидхегг. Занесенные высоко над головой парные прямые клинки разошлись в стороны, сверкая холодной стали гильотинами, в то время как ромбовидные блоки сомкнулись, образовав увеличительное устройство, надетое поверх орудийного ствола.

Смертоносный удар по двум фронтам одновременно!

Наконец, после угасания пламени последовал безжалостный удар.

Под грохочущий взрыв разломилось черное копьё. Трещина побежала от самого древка к наконечнику, и лишенный кистей из черного пламени наконечник рассыпался о землю, после чего вместе с древком растаял у ног Игми в виде вязкой жидкости, а разъедающая способность сошла на нет.

Раскаленная до предела температура превратила пространство вокруг Игми в мертвую зону,

нацеленную на опустившуюся на колени Нидхегг.

Тишина перед смертью. Нидхегг приоткрыла глаза, и ее свирепые драконьи рога превратились в неподвижную мишень. Полное безразличие в ее взгляде превратило Игми в ничто, а сквозной взгляд устремился на сопровождавший ее всю жизнь Нибельунге.

Не удалось прорубить кровавый путь...

Для Цзилин она оказалась слишком слаба...

Если Сопровождающий Богов сможет отыскать Врата, у него еще останется надежда на выживание...

Иггдрасиль... неужели он все-таки обречен на гибель?

Усиленные через череду ромбовидных блоков энергетические лучи, подобные багровому палящему солнцу, обрушились на этот черный гроб апокалипсиса.

.....

— Эй! Я вовсе не давала тебе разрешения умирать!

Ледяное ощущение между зубами проникло в сознание Нидхегг — это явно была вода источника Нифльхейма, вливавшаяся в ее душу вместе с ледяной прохладой и чистотой.

А звучавший у самого уха голос принадлежал тому самому человеку, чьего голоса ей меньше всего хотелось слышать.

Брови Нидхегг затрепетали, и перед ее глазами возник слегка непутевый вид Фэн Цихэна: его лицо не просто покрылось сажей, из носа у него еще и текла сопля прямо до подгузника... то есть до уголка рта.

Это было спасение перед самым лицом смерти, и в то же время — неизбежный итог отсутствия решимости умереть.

— Сопровождающий Богов... почему... — слабо произнесла Нидхегг.

Не успела она договорить, как широкий клинок с треском вонзился в землю. Раскаленная лава на три дюйма ушла под землю, поглотив покоившиеся там кости. Обливаясь холодным потом, Фэн Цихэн взвалил Нидхегг на себя. Внезапно у него перед глазами все поплыло, по лицу потоком хлынула горячая кровь. Слегка пошатнувшись, он выровнял шаг и поволок ее тело

прочь, а перед уходом еще и отбросил ударивший его по лицу кусок металла.

— Облегчи мне задачу... Должен признать... ты и правда тяжелая, — подавляя голос, процедил Фэн Цихэн. Он прекрасно понимал свое положение: не говоря уже о раскаленной волне, проникшей во внутренние органы, даже одна только нехватка кислорода и полученные ранения были смертельны для такого простого смертного, как он.

— Я тут присмотрел местечко получше... хоть оно и не так хорошо, как я расписывал... но всяко лучше, чем сидеть сложа руки, верно?

Они пробирались прочь из раскаленной мертвой зоны — как ни крути, а сперва нужно было унести ноги из этой обители смерти, не так ли?

Сгусток тепловой энергии со свистом прошел землю насквозь. Ромбовидные блоки отсоединились от сомкнутой конструкции и устремились в погоню за двумя беглецами.

Фэн Цихэн выбирал маршруты, далекие от всякой логики: бескрайние гряды трупов образовывали оборонительные позиции, и каждый световой снаряд сбивал выставленные на позициях белые мишени, но, к счастью, никак не мог настигнуть беглецов.

— Не думай, что я приму... подачку... от смертного.

Рука Нидхегг бессильно соскользнула с плеча Фэн Цихэна, и она рухнула на землю.

— Я уже... приняла... твердое, самое твердое решение умереть. Беги же.

Взгляд Нидхегг был прикован к одной точке, но она чувствовала, что Фэн Цихэн стоит рядом с ней.

— Твердое решение умереть? Разве так говорят трусы? — лицо Фэн Цихэна было сурово. — Оказавшись в безвыходном положении, даже не пытаться спастись, а заявлять: «Я уже готов умереть, посмотрите, какой я великий и благородный»... так, что ли? Разве смерть здесь — это избавление? Разве это не бегство от того, с чем не в силах справиться? Расписаться в собственной беспомощности, увязнуть в реальности, а потом, барахтаясь, позволить себя сбросить, легко и непринужденно отправиться на тот свет, воображая, что твоя жизнь кого-то там спасет, и погибнуть за правое дело?

Звуки приближающихся в воздухе ромбовидных блоков становились все отчетливее.

Кто вообще просил вас нас спасти! Вечно вы норовите изображать из себя добрых спасителей мира, совершенно не задумываясь о том, каково приходится тем, кто еще жив. В это болото меня затащили именно вы! И не надейтесь отделаться простой смертью, будто бы все проблемы сразу решат. Иногда перед лицом смерти нужно просто сказать: «Я хочу жить»!

Фэн Цихэн шмыгнул носом и добавил:

— Чертовы жужжащие твари, как же вы надоели! Подумаешь, смерть? Если уж выживать в грязи не страшно, то умереть тем более нечего бояться! Цельтесь лучше!

Он заслонил собой Нидхегга, а появившиеся из красного тумана ромбовидные тела замерли в воздухе, словно сканируя его. Фэн Цихэн выпятил грудь прямо в районе сердца, подбросил в руке осколок Пандоры, прицелился и швырнул его в парящую фигуру.

Вжух!

Лучевая стрела пробила осколок насквозь и угодила прямо в сердце Фэн Цихэна. Чудовищная инерция отбросила его назад, заставив кубарем полететь прочь.

Ромбовидный аппарат не совершил ни единого лишнего движения — он лишь продолжал парить в полушаге, не сводя объектив с безрассудного, но явно переоценившего свои силы Фэн Цихэна.

Нидхегг закрыла глаза. Для распростертого на земле тела спектакль под названием «жизнь» был окончен.

В конце концов... все равно пришла смерть.

— Кхе-кхе...

Нидхегг снова открыла глаза. Тело, которое должно было быть мертвым, мелко дрожало, издавая едва слышные звуки.

Фэн Цихэн зажал рукой грудь, приподнялся на локте и криво ухмыльнулся глядевшей на него с полнейшим неверием Нидхегг.

— Я же уже умирал однажды, подумаешь!

С небес дождем сыпались световые стрелы, а неподалеку собиралось багрово-красное солнце. Фэн Цихэн снова подхватил Нидхегг под руку и, хромая, побрел прочь. Спасибо низкой точности ромбовидного аппарата, а также валявшимся повсюду обломкам Пандоры и трупам, которые служили отличным укрытием — иначе они и впрямь могли бы отправиться на тот свет куда раньше времени.

Под несколько оживленным взглядом Нидхегг Фэн Цихэн отлепил от груди подобранную чешуйку, посмотрел на покрасневшую кожу и легко подул на нее.

— Хорошо хоть твоя чешуя оказалась прочной, а то мои хвастливые речи прозвучали бы слишком глупо.

— Зачем ты это сделал? — лицо Нидхегга помрачнело.

— А? Да кто ж знает. Приплыли.

Услышав последнюю фразу, Нидхегг подняла голову и увидела толстые, обнаженные корни деревьев, размеры которых просто невозможно было описать словами.

— Набрел на них, когда шел вдоль ручья. Я видел, насколько масштабной была ваша с Пандорой битва, и даже вы не смогли разрубить этот корень, вот и подумал: а вдруг эта махина тоже не справится?

Ледяной туман Нибельунге был знаком Нидхегг, да и для вышедшего из запретной зоны Фэн Цихэна он казался уже не таким противным.

— И... что теперь?

— Теперь... — по лицу Фэн Цихэна было очевидно, что никакого плана у него нет.

— Теперь будем молить их о пощаде?

— Поднимаемся вдоль Нифльхейма, — Нидхегг проигнорировала глуплую шутку Фэн Цихэна.

Преследовавший их ромбовидный аппарат, казалось, улетел — раздражающего жужжания больше не было слышно, и от этого у Фэн Цихэна прибавилось смелости.

Прямо перед глазами возвышались исполинские корни деревьев, чьих масштабов не удавалось охватить взглядом, а густая сеть шрамов на них повествовала о древней истории. Последовав совету Нидхегга, Фэн Цихэн разглядел мир, скрывавшийся за пеленой ледяного тумана.

Огромную пропасть.

Фэн Цихэн припомнил, что уже видел эту бездну, когда находился под воздействием ледяного тумана, но сейчас это зрительное восприятие ощущалось гораздо острее.

— Обрыв?

— Это самый южный край Нибельунге. А перед нами... бездонная пропасть — Царство Великой Пустоты. Всё на свете берет свое начало здесь.

Фэн Цихэн сглотнул слюну и испуганно отступил на шаг назад.

Вновь раздался тяжелый топот. Из ледяного тумана проступили очертания Игми — он двигался неторопливо, а с двух его прямых клинков капала обжигающая лава. Чудовище холодно уставилось на них.

Ромбовидные аппараты снова сомкнулись. Они загнаны в тупик, выхода нет, и для уничтожения беглецов хватит всего одного луча тепловой энергии.

— Нидхегг, чем обернется то, что мы останемся здесь? — Фэн Цихэн бросил взгляд на Игми.

— ...Смертью.

— А если прыгнуть вниз?

— ...Наверное, тоже смертью, — ответила Нидхегг.

Фэн Цихэн криво усмехнулся, но тут же поморщился — движение потревожило рану, превратив его лицо в нечто комичное и болезненное.

— Раз уж... завтра я всё равно умру! — декламировал Фэн Цихэн в манере хайку. — Тогда, прошу, отформатируйте мой телефон!

Ни сожалений, ни колебаний. Придерживая Нидхегга, Фэн Цихэн под их перекрестными взглядами отклонился назад. Мир вокруг стремительно уменьшался, а тьма становилась все глубже.

На глазах у Игми оба сорвались вниз и канули в беспредельную бездну — Царство Великой Пустоты. До ушей преследователей даже долетела последняя глупость, брошенная Фэн Цихэном перед падением:

— Нидхегг, я случайно не говорил тебе... что боюсь высоты?

<http://bllate.org/book/19201/1885552>